
Наталья Харламьева

Иосиф Бродский: Якутия и Венеция

Все почитатели Иосифа Бродского хорошо знают о его привязанности к Венеции — он почти двадцать лет подряд в Рождество приезжал в этот город. А вот каким образом Якутия могла что-то значить в судьбе нобелевского лауреата, знают далеко не все. К поэзии Бродского мало кто равнодушен, мне лично нравятся его стихи раннего периода. А его хрестоматийное стихотворение «Пилигримы» со мной всегда. Как-то на семинаре молодых якутских поэтов я дала его перевести на якутский язык. Получилось весьма интересно, ведь при переводе очень легко обнажается личность переводчика, то, насколько он совпадает с гениальностью переводимого произведения... Судьба Иосифа Бродского трагична — его вынудили уехать из Советского Союза, он сам этого не желал, а после не разрешали приехать к престарелым родителям, даже на похороны, а им не давали визы на выезд. Казалось бы, Бродский очень хорошо устроился в Америке — читал лекции о русской литературе в колледжах и университетах, становился Поэтом Года (есть такой гуманитарный проект в Америке), был выдвинут на премию Нобеля... Но, когда я прочла его письмо Л.И.Брежневу, написанное перед самой эмиграцией, я была поражена. Зачем надо было выдворять Поэта, мыслящего категориями гуманизма, не замеченного ни в какой антисоветчине? В 1963 году в ходе судебного процесса о его тунеядстве, судья задала вопрос: «Какова ваша специальность?» Бродский ответил: «Я — поэт». Судья спросила: «А кто признал, что вы поэт? Кто причислил вас к поэтам?» На что Бродский обескураженно произнес: «Я думаю, это от Бога...»

Якутия и Бродский

Если бы Бродскому задали этот вопрос года на два-три раньше, думаю, он не так уверенно назвал бы себя поэтом. В каждом пишущем человеке сидит некоторое недоверие к своему дарованию, особенно если он имеет своих кумиров в литературе. Ему кажется, что его дар может быть случаен, возможно, дан на время, и ему не достичь тех высот, которые он видит и понимает. И называть себя «поэтом» ему сложновато. Но проходит время, происходит развитие и эволюция таланта, тогда-то и возникает твердое убеждение, что это — единственное дело, которым ты должен заниматься, твое предназначение. Только понимание этого дает опору называть себя поэтом. Это нравственный и духовный труд, который происходит в творческом человеке, и решение может настичнуть его где угодно. Решение Бродского застало его в Якутии...

Якутия конца 50-х годов прошлого столетия представляла большой интерес для геологических изысканий. Только что были открыты якутские алмазы, уже было понятно что и других полезных ископаемых на нашей территории очень много. В Якутии геологическая отрасль только зарождалась, была известна Амакинская экспедиция, базировавшаяся в Нюрбе. Почти все геологические экспедиции в то время

формировались и направлялись из Ленинграда. Ведь и Лариса Попугаева¹ была работником геологической партии из Ленинграда. Но это совсем другая история, драматичная и печальная...

Рабочих в геологические партии в те годы набирали также в Ленинграде, молодые люди с охотой соглашались на это, конечно же, не только из-за романтики, но и ввиду хорошего заработка в летнее время. По воспоминаниям некоторых, даже возникали конкурсы для работы в геологических партиях простым коллектором.

Бродский был не новичок на этой стезе — впервые он выезжал с геологами в Архангельск, на берега Белого моря. А еще две экспедиции Бродского были связаны с Якутией. В первый раз он попал в Южную Якутию, по моему предположению, в это время шла активная разведка южно-якутского угля — не только на территории сегодняшнего Нерюнгри, но и на территории большого месторождения «Денисовская». Вероятно, это была партия геофизиков, которые слывят среди геологов белой костью — ведь им принадлежат первые открытия, уже после них идет детальная разведка месторождений. Климат Южной Якутии суровый, здесь даже летом по ночам могут быть минусовые температуры, снегопады. Обилие горных речушек, сопки, нехоженная тайга — в общем-то привычны для геологов. В партиях самая тяжелая работа достается коллекторам, они копают шурфы, таскают пробы. Лениградскому мальчику Иосифу Бродскому это было под силу. Ему нравился физический труд, отношения в коллективе и посиделки у костра. Вспоминает Эдуард Блюмштейн: «Иосиф был вполне свой человек в полевых условиях, то есть он понимал, в чем состоят его обязанности как коллектора или помощника геолога. Он с уважением относился к нашему ремеслу. Он таскал рюкзак, часто тяжелый, его не тяготили бесконечные маршруты, хотя бывало рискованно и трудно. Большие реки в тайге часто надо было переходить вброд или сплавляться на лодках». Условия были жесткими — беспрестанные ветра, неожиданный снег в начале августа, все эти тяготы Иосиф переносил достойно. Но в то лето случилось одно событие, которое всех работников партии выбило из колеи. Погиб Женя Добровольский, коллектор партии, с которым успел крепко подружиться Бродский. Они были близки по возрасту, по положению в этом небольшом коллективе, по интересам. Бродский очень тяжело воспринял эту смерть, она была неожиданной для него и первой, которая случилась рядом... Спасался стихами (у поэтов одно спасение во всех жизненных невзгодах и бедах), написал тогда много. Некоторые из них позже были опубликованы. Я полагаю, что еще больше осталось в так называемых «марамзинских собраниях», в самиздатовском издании, собранном другом Бродского Владимиром Марамзиным. Из опубликованных и известных стихов можно привести вот это:

Жёлтый ветер манчжурский,
Говорящий высоко
О евреях и русских,
Закопанных в сопку.

О, домов двухэтажных
Тускловатые крыши!
О, земля-то всё та же,
только небо — поближе.

Только минимум света.
Только утлые птицы,
Словно облачко смерти
Над землёй экспедиций.

И глядит на Восток,
закрываясь от ветра,
чёрно-белый цветок
двадцатого века.

Оно посвящено памяти Жени Добровольского. Это была осень 1959 года. А немного раньше, когда они ждали погоды в Якутске, чтобы вылететь в Чульман, у Бродского произошло важное событие, которое определило всю его остальную жизнь. Правда, это событие произошло в нем самом, внутри. Бродский вспоминал: «Году в пятьдесят девятом я прилетел в Якутск и прокантовался там две недели, потому что не было погоды. Там же, в Якутске, гуляя по этому страшному городу, зашел в

¹ Первооткрыватель месторождений алмазов в Якутии. — *Прим.ред.*

книжный магазин и в нем надыбал Баратынского — издание "Библиотеки поэтов". Читать мне было нечего, и когда я нашел эту книгу и прочел ее, тут-то я все понял: чем надо заниматься».

У человека, выросшего в Ленинграде, Якутск 1959 года вряд ли мог заслужить другой эпитет. Но то самое выстраданное решение о собственном предназначении пришло к нему здесь, и, наверное, Якутск вправе присвоить себе славу города, в котором будущий нобелевский лауреат определил для себя свое будущее. Я почему-то думаю, что Бродский нашел книгу Баратынского в магазине «Подписные издания», который был рядом с кинотеатром «Центральный». Дом построен после войны, потому вряд ли я могу ошибиться. Да и немного было книжных магазинов в Якутске в конце 50-х годов: этот — на проспекте Ленина и — на улице Ойунского, недалеко от автовокзала. Это признание вполне в духе Бродского, он не приукрашивал жизнь и преподносил ее читателю такой, какая она есть. Книгу Баратынского он мог найти где угодно, и судьбоносная мысль о предназначении также могла прийти ему в голову где угодно. Но так случилось, что именно Якутск подарил ему томик Баратынского, и Бродский помнил об этом всю жизнь... Приведенный выше отрывок о Якутске Бродский никогда не опускал в своих биографиях. Якутск присутствовал как город, подаривший ему Баратынского. Вспоминает Людмила Штерн: «...Таким образом можно считать, что Якутия 1959—60 годов оказалась для Бродского "началом пути". У меня есть маленькая память об Иосифе "якутского периода". За два дня до отъезда в эмиграцию он подарил нам с Витей свою фотографию, сделанную летом 1959 года на якутском аэродроме... На обороте надпись: "Аэропорт, где больше мне не приземлиться. Не горюйте"».

В прошлом году к нам приезжала большая группа переводчиков и поэтов, и когда я в дружеской беседе напомнила об этом факте из жизни Бродского, то поэт и переводчик, исследователь творчества Бродского Виктор Куллэ тут же попросил показать ему этот дом... Сегодня там располагаются салоны сотовой связи. Мне бы очень хотелось, чтобы на стене этого дома появилась доска, напоминающая якутянам о пребывании нобелевского лауреата Иосифа Бродского в нашем городе... Надеюсь, моей мечте суждено когда-нибудь осуществиться.

В то лето Бродский писал много. В Якутске было написано стихотворение «Памяти Баратынского», чуть позже стихи «Чульман, Чульман деревянный», «На Карловом мосту ты улыбнёшься»... К сожалению, эти стихи не входят в многочисленные переиздания. Литературоведы считают, что этим летом он в Якутске начал поэму «Петербургский роман».

Свивает осень в листьях гнёзда.
Здесь в листьях
осень, стук тепла,
плеск веток, дрожь сквозь день,
сквозь воздух,
Завёрнутые листьями тела
Птиц горячи.

Здесь дождь. Здесь ночь. Рассвет
приходит с грунтовых аэродромов
минувших лет в Якутии. Тех лет
повёрнут лик,
да дважды дрожь до смерти
твоих друзей, твоих друзей, из гнёзд
негромко выпавших...

Это стихотворение «Стук», написанное в Якутии, в котором явственно звучит тема гибели друга...

Вторая экспедиция в Якутию случилась через два года, в 1961 году. Известно, что геологи Учурской партии сначала долетели до Иркутска, затем вылетели в Якутск и далее в Усть-Маю. Из Усть-Маи добрались до Нелькана и там ждали оленей. Ожидание было, видимо, достаточно долгим, поскольку Бродского охватила жуткая тоска. Вспомнилось лето 1959 года, смерть друга, шли непрерывные дожди, томила неизвестность. Как бы то ни было, Бродскому был всего 21 год, и он воспринимал мир иначе, чем обычные люди. По воспоминаниям Сергея Шульца, «во время бездейственного пребывания в этом крохотном поселке он почувствовал, что его душит смертельная тоска и предчувствие необратимой гибели». Старшие товарищи,

поняв состояние Бродского, попутным рейсом отправили его обратно. Один из геологов таким образом остался без коллектора, что припомнили Бродскому потом на суде в 1964 году. В те годы геологи искали в горах Джугджура золото...

В описаниях своего жизненного пути Бродский не забывал о якутских экспедициях, это были воспоминания, сохраненные им на всю жизнь. Конечно, нелепо было бы утверждать, что Якутия и Якутск были для нобелевского лауреата любимыми и милыми местами в его странствиях по миру. Но то, что в его географическом жизненном пространстве Якутск был отмечен — это достоверно. Впрочем, память о его пребывании на нашей земле жива, пока жива его поэзия.

Я читаю лекции студентам нашего университета о поэзии и когда говорю о Бродском, начинаю с его раннего стихотворения из цикла «Английские песенки»:

Я вышла замуж в январе,
Толпились гости во дворе,
И долго колокол гудел
В той церкви на горе.

От алтаря, из-под венца
Видна дорога в два конца,

Я посылаю взгляд свой в даль,
И не вернуть гонца.

Церковный колокол гудит.
Жених мой на меня глядит.
И столько свеч для нас двоих!
И я считаю их.

И задаю вопрос, о чем эти стихи. Студенты отвечают: «О любви». «Так тут же нет ни одного слова про любовь», — говорю я. И кто-нибудь из студентов обязательно говорит: «Она выходит замуж не по любви...»

В двенадцати строчках Бродский раскрывает сюжет романа, который каждый читатель волен домысливать по-своему. Это и есть сила Поэзии...

Бродский и Венеция

У каждого человека наверняка найдется список мест, где он хотел бы побывать. Для меня это были Михайловское Александра Пушкина, Комарово Анны Ахматовой и Шахматово Александра Блока. Вместе с тем в моих мечтах были и Стратфорд-на-Эйвоне Шекспира и Венеция Бродского. Эти места я считала обязательными для посещения не потому, что во мне силен кочевнический дух, а скорее потому, что только в любимых местах поэтов можно найти ключ к их вдохновению, к их поэзии...

Бродский мечтал о Венеции с юности, об этом он подробно пишет в своем знаменитом эссе «Набережная неизлечимых». Мечты были декадентские — он желал приехать в Венецию, снять палаццо и свести там счеты с жизнью... «Я поклялся, что если смогу выбраться из родной империи, то первым делом поеду в Венецию, сниму комнату на первом этаже какого-нибудь палаццо, чтобы волны от проходящих лодок плескались в окно, напишу пару элегий, туша сигареты о сырой каменный пол, буду кашлять и пить, на исходе денег вместо билета на поезд куплю маленький браунинг и не сходя с места вышибу себе мозги, не сумею умереть в Венеции от естественных причин»... Но приехав в 1972 году впервые в Венецию под западное Рождество, Бродский сделал встречу с Венецией обязательным в своем жизненном распорядке. И считал ее одним из самых лучших городов мира. Зимняя Венеция не так уютна, это я уже знаю, но тем не менее он выбирал декабрь. Это, вероятно, было в какой-то мере обусловлено рождественскими каникулами в колледжах, где он работал. Бродский, когда его спрашивали об этом, шутил: «Не люблю выхлопов подмышек в жару»... Многие же исследователи склоняются к тому, что он любил Венецию за схожесть с Ленинградом, за присутствие живой воды в городе... Но Венеция похожа только сама на себя! Как сказал Бродский: «Единственной вещью, способной превзойти этот водный город, был бы город, построенный в воздухе»...

Конечно же, моя поездка в Венецию была в большей степени связана с Бродским, с его поэзией, с его любовью к этому удивительному городу. Много

венетских мест обозначено в его стихах — площадь Сан Марко, на которой есть кафе «Флориан». Говорят, он любил тут сидеть с чашкой горячего кофе. Та самая набережная Неисцелимых, вблизи которой он жил в свой первый приезд в Венецию. Остров-кладбище Сан-Микеле. Храмы и церкви Венеции, которые упоминались в его стихах и эссе...

Венеция удивительна тем, что каждый приехавший сюда считает его не чужим для себя. Начинается с трансферта двумя видами транспорта — на машине тебя везут на причал, и ты с материковой части Венеции плывешь на катере на островную часть. Пока плывешь — сначала по Гранд каналу, затем по узким каналам — к гостинице, ты начинаешь понимать, что попал в другое измерение. Прекрасные палаццо с резными фасадами, красивые храмы сменяются не менее старинными домами, с балконах которых через канал переброшены веревки, и там сушатся самые обычные носильные вещи венецианцев... А когда стоит хорошая и теплая погода, узкие длинные черные гондолы с красивыми гондольерами везут туристов по глади каналов. Если очень повезет, то можно услышать песню гондольера — я слушала «Санта Лючию» в исполнении красавца-гондольера, величаво проплывавшего мимо нас...

Бродский очень любил саму атмосферу этого города, он чувствовал воду как живой организм, как живое существо, и ее близость всегда вдохновляла его. Ему нравился безмятежный дух самой Венеции, странным образом сочетающийся с любопытной и вездесущей разномастной толпой, в которой можно было затеряться. «Венеция из тех городов, где и чужак, и местный заранее знают, что они экспонаты», — писал Бродский, и он был прав... Я много читала про пребывание Бродского в Венеции, об его встречах в этом городе, даже о его гастрономических пристрастиях написано немало... Я воочию увидела эту неожиданно узкую набережную, именем которой он назвал свое эссе о Венеции, подмости, которые аккуратно уложены на улицах города на случай наводнения, попробовала граппу — венецианскую водку, которая нравилась Бродскому. С моей подругой, Валентиной Андреевной, составившей мне компанию в этой поездке, мы пили горячий кофе в любимом кафе Бродского на площади Сан Марко...

То и дело мне вспоминались строки Бродского из его «Венецианских строф»:

Мокрая коновязь пристани. Понурая ездвая
Машет в сумерках гривой, сопротивляясь сну.
Скрипичные грифы гондол покачиваются, издавая
Вразнобой тишину...

Или:

...За золотой чешуей всплывших в канале окон —
Масло в бронзовых рамах. Угол рояля, вещь...

Бродский в отличие от нас обживал этот город не как турист, он знал незнакомые многим шедевры архитектуры и просто уютные места этого чудесного города, ресторанчики, кафе, по свидетельству друзей, читал местную прессу, обсуждал городские события и сплетни. И его «Набережную нецелимых» в Венеции приняли не совсем однозначно. Отголоски этого неприятия можно найти в интервью Марии Дориа ди Дзулиано, о которой идет речь в начале эссе. Прекрасная венецианка, аристократка, знакомая с Бродским еще с Ленинграда, не очень лестно отзываясь о нем в том времени, когда он впервые приехал в Венецию... Это нам, читателям, издалека эта вещь кажется замечательной прозой поэта, написанная легко и игриво, а у живых людей, не принимающих поэтов такими, какие они есть, всегда найдется что сказать...

Венеция — город, в который хочется вернуться. И это удивительное притяжение связано с тем, что с первого мига чувствуешь себя в нем своим, не чужим. Миф о сибирских лиственницах, на которых якобы построен город, рассказы о вездесущем и, как оказалось, весьма знатном и богатом венецианце Казанове, множество крылатых и дружелюбных львов с книгой в лапах, зловещие и холодные помещения Дворца

дожей, узкие решетчатые окна моста Вздохов, соединяющего дворец и тюрьму, плутание в узких улочках города и готовность местных жителей указать дорогу, мост Риальто, неподалеку от которого мы жили, — это все моя Венеция... И стихи, которые написались там, пахнут ветрами Средиземного моря...

Бродский любил Италию. Может быть, он предчувствовал, что под закат жизни ему выпадет любовь прекрасной итальянки русского происхождения, которая станет его женой, родит дочь. С Марией Соццани (Берсеновой-Трубецкой по матери) он познакомился в Париже, когда читал там лекции в колледже. 1 сентября 1990 года они поженились, это произошло в Стокгольме. А 9 июня 1993 года у них родилась дочь — Анна Мария Александра. В Год литературы, в конце мая 2015 года я оказалась в Санкт-Петербурге, где праздновалось 75-летие со дня рождения Бродского. Дочь Бродского была на этом торжестве, на открытии музея в доме Мурузи. У Бродского есть эссе «Полторы комнаты», вот в этих комнатах и открылась экспозиция музея.

Венеция стала местом упокоения Иосифа Бродского. Он умер в ночь с 27 по 28 января 1996 года в своей квартире в Нью-Йорке. Было предложение от депутата Госдумы Галины Старовойтовой похоронить его в Санкт-Петербурге. Оно, возможно, диктовалась его ранним стихотворением «На Васильевский остров/ Я приду умирать»... Но при жизни Бродский так и не принял приглашения мэра города Анатолия Собчака приехать в Питер, а после смерти это выглядело бы как решение, принятое против его воли. Да и семье трудно было бы добраться до могилы отца и мужа. В итоге вдова поэта приняла решение похоронить его в Венеции, на острове-кладбище Сан-Микеле. Он похоронен на протестантском участке кладбища, поскольку на православной и католической части он не мог быть захоронен как человек без вероисповедания.

До острова Сан-Микеле можно доехать на вапоретто — это большие речные трамвайчики, выполняющие в Венеции роль общественного транспорта. Где-то минут сорок — и ты оказываешься на тихом острове, обнесенном каменной стеной. Протестантская часть кладбища находится в самой глубине острова, слева. Могила Бродского с памятником из белого мрамора видна издали. Видна еще и потому, что там всегда лежат свежие цветы. Высажен большой розовый куст. Скромная надпись гласит, что тут покоится Иосиф Бродский. На задней стороне памятника высечено «Letum non omnia finit» — «Со смертью не все кончается». Надпись выбрала вдова поэта, она знала о любви Бродского к Проперцию. У самого входа на кладбище есть надписи на русском, которые указывают путь к могиле Бродского. Странное это кладбище — за его стеной плещутся волны Средиземного моря, эта стена охраняет тишину и покой последнего пристанища поэта. Изредка холодный морской ветер залетает в эти тишайшие уголки, как бы напоминая о том, что жизнь продолжается... Наверное, русские туристы придумали этот ритуал — на могиле Бродского принято оставлять ручки. И я положила у памятника свою ручку с логотипом нашего фестиваля поэзии «Благодать большого снега»...

Так для себя я замкнула круг странствий поэта Иосифа Бродского в пространстве и времени — из Якутии в Венецию.

Мимо ристалищ, капищ,
 мимо храмов и баров,
 мимо шикарных кладбищ,
 мимо больших базаров,
 мира и горя мимо,
 мимо Мекки и Рима,
 синим солнцем палимы,
 идут по свету пилигримы.

 ...И значит, остались только
 Иллюзия и дорога,
 И быть над землёй закатам,
 И быть над землёй рассветам,
 Удобрить её солдатам,
 Одобрить её поэтам.